

«Не нужно долго думать. Просто открой эту книгу на рассказах, — не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй».

Алексей Сальников,
писатель

**МАРТА
АНТОНИЧЕВА**

**1003-и
СВОБОДНЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

Марта Антоничева
1003-й свободный человек

«ЭКСМО»

2021

Антоничева М.

1003-й свободный человек / М. Антоничева — «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116305-1

В рассказах Марты Антоничевой все связано: мрачное будущее – следствие цифровой реальности и не изжитых еще 90-х. Заслуживает ли человек спасения, или он обречен? Каждый рассказ – лаконичный, но неожиданный ответ. Тот, кто пройдет этот лабиринт за автором до конца, станет другим человеком. «Дорогой читатель! Не нужно долго думать. Просто открой эту книгу на рассказах „Мишура из фантиков и оберток“, „Руководство к действию“, „I love you“. Не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй», — Алексей Сальников, писатель. «Люди — странные существа. Мы настолько свыклись с этим, что перестали замечать. Книга Марты Антоничевой — не только предупреждение о том, насколько болезненно и абсурдно обыденное существование, но и напоминание, что за всеми нашими причудами скрывается ищущая выход наружу, к свету, человечность», — Сергей Морозов, литературный критик. «Книга Марты Антоничевой — это интереснейший гибрид шершавого, бытового реализма, посвященного в мелкие затруднения и привычки обычного современного человека, и фантастики, подкручивающей этот невзрачный быт до экзистенциальной метафоры», — Валерия Пустовая, литературный критик. «В рассказах Марты Антоничевой от необычного до жуткого — один шаг. Это шаг из зоны комфорта в область странного и заставляющего тревожно задуматься — и, может, понять очень важное», — Шамиль Идиатуллин, писатель.

ISBN 978-5-04-116305-1

© Антоничева М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Отзывы	7
Инопланетянка	8
Тысяча третий свободный человек	13
Ну же, Бог	16
Совпадение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марта Антоничева 1003-й свободный человек

ОТЗЫВЫ

«Дорогой читатель! Не нужно долго думать. Просто открой эту книгу на рассказах «Мишура из фантиков и оберток», «Руководство к действию», «I love you», – не обязательно читать все из них, можно хотя бы один. Если рассказ понравился, понравится и вся книга. Нет? Значит, не судьба. Прекрасный сборник предельно честных историй».

Алексей Сальников, писатель

«Люди – странные существа. Мы настолько свыклись с этим, что перестали замечать. Книга Марты Антоничевой – не только предупреждение о том, насколько болезненно и абсурдно обыденное существование, но и напоминание, что за всеми нашими причудами скрывается ищущая выход наружу, к свету, человечность».

Сергей Морозов, литературный критик

«Книга Марты Антоничевой – это интереснейший гибрид шершавого, бытового реализма, посвященного в мелкие затруднения и привычки обычного современного человека, и фантастики, подкручивающей этот невзрачный быт до экзистенциальной метафоры».

Валерия Пустовая, литературный критик

«В рассказах Марты Антоничевой от необычного до жуткого – один шаг. Это шаг из зоны комфорта в область странного и заставляющего тревожно задуматься – и, может, понять очень важное».

Шамиль Идиатуллин, писатель

Инопланетянка

Они снова поругались, на этот раз после выхода из кино. Алисе фильм не понравился, а Никита, наоборот, как будто нашел там давнее подтверждение своих мыслей. В нем инопланетянка перевоплощалась в женщину и околдовывала мужчин, гипнотизировала, и те теряли остатки воли. После высасывала все соки, оставляя лишь полупрозрачную оболочку.

– Как это на тебя похоже, – шепнул во время просмотра Никита и кинул в Алису попкорном. Попал прямо в глаз, больно.

В финале инопланетянка превратилась в женщину, то есть дала-таки слабину, и это стоило ей жизни.

Алиса весь фильм зевала и оживилась, только когда зажегся свет. Никита же словно врос в кресло и долго сидел с отрешенным видом при свете перед титрами, бегущими вверх по широкому экрану.

Когда пришли домой, он спешно собрал вещи и ушел.

– Ты даже не догадываешься, насколько точно выбрала фильм.

– О боже, – проворчала Алиса и закрыла дверь. Пусть катится к чертям. В конце концов, они виделись от силы полтора часа в день, между работой и сном, и чаще всего либо молчали, либо ругались. Надоело.

Чтобы немного выпустить пар и окончательно избавиться от малейшего намека на присутствие другого человека в доме, Алиса затеяла уборку. Результат порадовал: без Никиты квартира выглядела гораздо аккуратнее.

На кухонном столе не валялись грязные салфетки, ложки, черновики и блокноты, в которых он постоянно рисовал наброски работ, а после разыскивал по всем углам.

В туалете никто не оставлял задранное сиденье, в спальне вещи лежали на своих полках, а не на полу, как обычно, или не комом в шкафу. Постель была заправлена так, словно никто никогда не валялся на ней, раскидывая чипсы.

Квартира выглядела идеально, как нежилая.

Несколько дней Алиса приходила в себя, возвращаясь в привычное состояние одиночества, когда не нужно торопиться домой, можно спокойно идти с работы пешком, осматривая окрестности.

Как-то вечером она заметила стопку книг, сложенную аккуратно, как по кирпичику, рядом с мусорными баками у дома. Это был не привычный макулатурный хлам, вроде много-томников Дюма на желтой бумаге или нескольких частей «Анжелики» вперемешку с рваными книгами о ВОВ.

Среди множества изданий классики для школьников и разрозненных томов Достоевского Алиса нашла пару альбомов по искусству, а также несколько редких изданий. Оставить их на улице она не могла.

Дома Алиса протерла твердые переплеты тряпочкой, прежде чем поставить книги на полку. Начала задумчиво листать свои находки. Из одной книги выпал конверт. Незапечатанный. Внутри лежало несколько писем, одно было разорвано на части. Алиса прочитала их по порядку несколько раз.

Первое письмо было написано ровным, округлым почерком, в конце стояла красивая подпись, напоминавшая старинный вензель.

«Милая, дорогая, недостижимая Людмила!

Я полюбил в последнее время закрывать глаза и мечтать. Так, словно по мановению волшебной палочки можно сразу погрузиться в воспоминания, представить нашу последнюю встречу. Вернуть ее и проиграть снова и снова.

Жизнь без Вас кажется тоской, которой нет оправдания. Да и все, что есть в ней, интересно мне только в связи с Вами, остальное кажется ничтожным и ненужным.

Как я устал таиться и прятаться ото всех под личиной жесткого и даже злого человека. Я ведь не такой, Вы знаете это, только Вы... Как я хочу снова побыть рядом с Вами, подле Вас, хотя бы минуту!

Каждый час без Вас подобен смерти. Кажется, я оживаю, только когда слышу Ваш голос, вижу Вас или могу представить Вас в своем воображении. В остальное время я словно в дурном сне, и жизни без Вас нет.

Когда имею счастье увидеть Вас снова? Когда Вы соблаговолите раскрыть передо мной свои объятия? Впустить меня к себе, чтобы я мог раствориться без остатка, исчезнуть, пропасть?

Расстались всего час назад, но я хочу снова вернуться к Вам, оказаться в этом потоке сияющего света, что исходит от Ваших волос... Ах, Люда, что же Вы со мной делаете!

Ваш преданный Виктор».

Во втором письме буквы были более угловатыми, казались составленными из ломаных палок. Ближе к правому краю строки постоянно норовили взлететь вверх, закругляя каждое предложение в невольный вопрос.

«Люда, прошу тебя, прочти письмо до конца.

Снова я сижу в одиночестве, а тебя все нет и нет. Что изменилось? Только голова болит сильнее с каждым днем.

Ты во всем права. Знаю, ты хочешь как лучше, но я так не смогу. Стоило прикоснуться к тебе однажды, как я перестал думать о ком-то другом. Больше никого не вижу.

Ты – мой маячок, который вот-вот погаснет, и я останусь один в темноте. Ведь жутко так, Люда.

Я смогу прожить и дальше, и ничего с собой не сделаю, не хватит сил. Но чего стоит такая жизнь, ведь весь ее смысл – воспоминание о времени, проведенном с тобой. Получится растянуть его до конца своих дней?

Что мне делать, когда встречу тебя на улице и не смогу приблизиться, хотя бы посмотреть прямо в глаза? Пройти мимо?

Люда, пожалуйста, не разменивай меня на прости-прощай. Что произошло, скажи мне, скажи! Ты ни слова не написала мне.

Завтра не приду. Но жду тебя каждый четверг в наше время в 17-м номере «Спутника».

В.».

Третье письмо было разорвано, Алиса разобрала только отдельные фразы: «я один», «ты не пришла», «все кончится», «не получается, как все», «я больше не стану».

Она покрутила конверт. Вместо обратного адреса был указан абонентский ящик. Конверт и письма сильно пожелтели – непонятно, то ли от лет, то ли от долгих часов на солнце. Она положила их на стол, спешно оделась и вернулась к мусорным бакам. Там ковырялись бомжи, запырявая все глубже, словно ловцы жемчуга.

Книг осталось меньше, но несколько еще лежало на земле. Алиса перелистала страницы каждой. Бомжи с интересом и пониманием посматривали на симпатичную девушку, как на новенькую в команде.

– Че, заначку посеяла? – участливо спросил один, с опухшим лицом в шишках и бурых пятнах.

Алиса была слишком сосредоточена на поиске и не услышала вопроса. Бомж подошел, с силой оттолкнул девушку и принялся перелистывать страницы оставшихся книг.

– Васильич, че за дела? – другой заинтересовался возней и отошел от баков.

– Да заначку вон посеяла. Мошт, мне свезет.

Алиса наконец расслышала слова мужчин. Она словно вынырнула откуда-то с глубины на поверхность, оглядела себя, отряхнулась и пошла домой. Бомжи, посмеиваясь, продолжали копошиться возле книг.

Алиса заварила кофе, выпила несколько чашек. Чтобы отвлечься, зашла в фейсбук, зачем-то почитала последние статусы Никиты. После расставания он пустился во все тяжкие, как будто старался наверстать упущенное, и едва ли не каждый день зависал на новой вечеринке. Фотографий на странице прибавилось много. Выглядел он не очень.

Алиса немного отстраненно наблюдала за его приключениями, словно в полглаза смотрела не очень интересный фильм в надежде на непредсказуемый финал.

Письма лежали рядом с ноутбуком. Она попыталась представить Виктора – и не могла. Никита никогда не писал ей не то что писем – даже смс. Только «потом поговорим», «перезвони мне позже». Но всегда выслушивал. По крайней мере, поначалу.

На следующий день Алиса отпросилась с работы, села в автобус и поехала в гостиницу «Спутник». В городе была только одна с таким названием, она заранее проверила в гугл-картах. Ехать пришлось долго, а после почти столько же идти через частный сектор, оплетенный бельевыми веревками, залитый лужами мочи на выездах из двора, заросший палисадниками и пропахший насквозь рыбным супом и луковой поджаркой.

«Спутник» оказался шестиэтажным домом, сильно пострадавшим от перепадов температур и времени: кипельно-белые пластиковые окна словно с силой вдавили в потрескавшиеся серые проемы.

Хозяйка с железным утюгом в руках не торопясь вышла навстречу откуда-то из глубины необъятной комнаты, служившей одновременно приемной и кухней.

– Мне бы номер снять, – замялась Алиса.

– Свободны только двухместные, – произнесла хозяйка, окая и растягивая слоги. На ее бейджике было написано: «Она», и пока до Алисы дошло, что это имя, женщина, не дожидаясь ответа, вернулась к столу с кучей белья и продолжила глажку.

В продавленном кресле у стола сидел мужчина средних лет в шортах и без футболки. Грудь его была больше, чем у Алисы, но он совершенно этого не стеснялся.

Мужчина завтракал, положив ногу на ногу: одна была чем-то вроде столика, на котором лежал бутерброд с маслом, вторая – упором. В правой руке он держал вареное яйцо и постукивал им по стене, чтобы избавиться от остатков скорлупы. Улыбнулся Алисе, обнажив несколько золотых зубов.

– Меня интересует 17-й, – произнесла Алиса погромче в сторону женщины.

Хозяйка сказала что-то мужчине, кажется, по-эстонски. Тот медленно приподнялся, рассыпая вокруг себя скорлупу, как конфетти, встал и ушел, почесывая спину, перед этим заглотив яйцо и бутерброд так быстро, словно те только привиделись Алисе.

– Вы знаете, что он двухместный? – протяжно уточнила хозяйка и переложила белье на кресло. Затем достала амбарную книгу, куда записывала информацию о новых постояльцах, и вынула ручку из широкого кармана передника.

Комната оказалась небольшой и вытянутой, как школьный пенал. В ней с трудом помещались двухместная кровать, узкий шкаф и небольшой стол. Алиса положила на него ноутбук и легла отдохнуть.

Ее разбудил монотонный стук: в коридоре мальчишки играли в футбол и мяч ударялся о стены и двери номеров, отскакивал и летел дальше.

На минуту стук прекратился. Алиса взглянула на дверь, еще до конца не проснувшись. Возле замка зияла дыра размером с крупную монету. Она приподняла голову и заметила, что из этого отверстия за ней следит темный глаз.

Когда она открыла дверь, на пороге стоял мальчик лет десяти.

– Даров, – сказал он без всякого смущения. – Я – Филипп. Ромчик за мячиком на лестницу убежал, ща придет. Ты новенькая? Как звать? Чья, Мирона, Лешика? Уже купила таз? – он осыпал ее вопросами так быстро, что Алиса не успевала переключаться.

– Как это, чья? – не поняла она. – Ничья, наверное.

Мальчик глянул Алисе за спину и хмыкнул:

– А таз зачем?

– Смотри, короче, если надолго тут, то без таза никак, – по-хозяйски заметил Филипп. – А, это еще, дверь крепко закрой, ладно? Дядька мой пить пошел, так что по-любому Таньку к вечеру лупить вернется. И хахалю своему скажи, зашел чтоб. В общем, я всех на этом этаже предупредил, пока! – И он убежал к другу, который стучал мячом дальше по коридору.

Закрытое окно за время ее сна накалилось от жары настолько, что дышать в комнате стало нечем. Алиса распахнула его, и вместе с горячим воздухом к ней ворвался уличный шум: гомон птиц, стук отбойного молотка со стройки неподалеку, крики матерящегося мужика у дверей гостиницы.

Прохладнее не стало, кондиционера в номере не было, как и туалета с душем. Алиса отправилась на их поиски. Туалет нашелся сразу, общий на этаже и весь загаженный. Про душ пришлось отдельно спросить у хозяйки.

Та отвела Алису в плохо освещенный подвал и махнула рукой в сторону металлических ограждений, к которым, кажется, никто не прикасался лет двадцать.

– Душ работает строго с 8 до 10 утра, – сказала Она и ушла, оставив Алису одну разглядывать двойную цепь в ржавчине.

Идея с тазом показалась разумной, но она не собиралась оставаться тут надолго. Алиса вообще не понимала, зачем въехала в этот номер. Гостиница манила. Казалось, стоит только попасть в нее, сразу станет ясно, почему она сюда стремилась.

Днем Алиса тщательно осмотрела номер, словно проходила сложный квест, – каждый уголок, каждую щель. Нашла несколько волос разного цвета, засохший презерватив, пару карточек с истекшими скидками, телефон неизвестной Анжелы на спичечном коробке, черную и золотистую заколки-невидимки и инициалы на стене рядом с кроватью – К.М., а рядом год – 1986.

Номер был двухместным только номинально: с одной стороны кровати из матраса торчала пружина, а сразу после пролегла вмятина, так что вдвоем на ней спать не получилось бы никак.

Шкаф покачивался при каждом ее шаге, норовил упасть плашмя и угробить, поэтому Алиса обходила его особенно аккуратно, на цыпочках. Розетка рядом со столом коротила, так что для подзарядки ноутбука она сходила пару раз в кафе неподалеку. О вай-фае можно было только мечтать.

Филипп оказался прав: вечером раздались крики прямо на ее этаже. Мужчина орал, крушил все в комнате и избивал женщину, которая активно звала на помощь родных и близких, но никто не отозвался.

Алиса плотно закрыла дверь. Выключила свет. Спряталась как можно дальше от входа – на подоконнике. На всякий случай отвернулась от двери и смотрела в окно, но вслушивалась, дрожа, в крики в коридоре.

Они продолжались порядка часа. Судя по звукам, у ссоры был повторяющийся сюжет. Началось все с обвинений в измене, после посыпались упреки в лени и нерасторопности, затем мужчина начал раззадоривать себя, перечисляя имена знакомых, с кем могла изменить жена.

Та же вместо того, чтобы молчать, не просто провоцировала его, но буквально напрашивалась на драку.

Затем полетели предметы. По ударам о стены легко было различить, какие хрупкие – разлетались с легким треском, почти шелестом, а какие тяжелые – просто падали на пол с гулким стуком.

Алиса инстинктивно вжалась в проем подоконника. Несмотря на то что стекло сидело в раме не плотно, к тому же – пятый этаж, это место казалось самым безопасным в комнате.

Внезапно, после очередного гулко-го удара о стену, Алиса услышала смех. Сначала тихий, переливчатый женский, затем громкий, низкий мужской. Голоса стали тише, а разговор интимнее, голос женщины звенел, как колокольчик на ветру, мужчину было не разобрать. В один момент Алиса отчетливо услышала радостное: «Отпусти, голова закружится», и вскоре все стихло.

Затем из уличной темноты появилась полицейская машина в огоньках, как новогодняя елка. Из нее выбежали двое крупных мужчин в форме и тяжелыми ботинками загремели по лестнице.

Закричала женщина, кажется, та, кто пару минут назад радостно смеялась. Ее «Не имеете права!» и «Мы вас не вызывали!» потонули в оре полицейских, послышались удары, возня. После двое в форме снова показались на улице. Они вели дядю Филиппа в наручниках.

Лицо его было веселым. Он поднял голову, кажется, жена окликнула из окна. Встретился глазами с Алисой, улыбнулся ей. Полицейские заломили мужчине руки, ударили его головой о крышу машины, запихнули внутрь и уехали под визг мигалок.

За стеной послышался хруст: кто-то мел пол и убирал разбитую посуду. Из коридора донесся звук шагов, стук в дверь, а затем хозяйка гостиницы спокойно сказала кому-то, что еще одна такая драка и она выселит «их табор на помойку».

На какое-то время все словно замерли, затаились. Казалось, жильцы обдумывали угрозу хозяйки, но привычки возобладали, и жизнь потекла своим чередом. Кто-то поставил чайник, раздались бульканье, а потом характерный щелчок. После по коридору затопало множество ног, и, как раньше, открывались и закрывались двери, где-то включили телевизор, запахло едой.

Алиса хотела написать о произошедшем в фейсбуке, но решила не привлекать к себе лишнего внимания. Да и не поверит никто. Достала из сумки письма и еще несколько раз их перечитала.

Утром Алиса выписалась из номера и поехала домой.

Письма оставила в гостинице, на подоконнике. Еще ночью решила, что, наверное, в этом и заключалось ее предназначение – вернуть их обратно. Они были частью гостиницы, ее историей.

После сразу почувствовала себя гораздо комфортнее. Письма, как и воспоминания о прошедшей ночи, только тяготили ее. Алиса с радостью вернулась к привычной жизни, где с ней никогда не приключилось бы ничего подобного.

Тысяча третий свободный человек

– Придется съесть ее, если хочешь выйти отсюда. Таков закон: убил – съешь.

По словам адвоката, Алексею очень повезло. Буквально год назад за то же самое ему светила бы только пуля в затылок. Сейчас появилась возможность остаться в живых. Всего-то пара деталей. Вам интересно?

Он подсел поближе. Ворот розовой рубашки украшал значок, на нем вилка протыкала насквозь жирный кусок мяса.

– Все из-за моды на заморозку голов. Каждый теперь решил, что будет жить вечно, – продолжил адвокат.

По крайней мере, он так считал. Теперь в делах об убийствах, особенно в случае Алексея, предлагалось два варианта развития событий, на выбор осужденного: либо привычный вышак, либо...

Тут он стал говорить немного тише и отстраненнее:

– Либо вам придется съесть 5% тела жертвы за трое суток.

– Чего? – такого поворота Алексей не ожидал.

– Пять процентов тела, – медленно, словно дегустируя каждую букву, повторил адвокат. Его рот при этом немного подергивался влево.

– Труп, что ли, жевать? – переспросил осужденный.

– Да, – ответил адвокат. – Сырой, – зачем-то уточнил еще он.

После стал сбивчиво нести совершенную околесицу: мол, Лехе еще повезло, если бы он убил ребенка до пяти лет, то пришлось бы съесть его целиком, от пяти до двенадцати – половину, и только если убитому исполнилось больше двенадцати лет, положено съесть всего пять процентов тела.

– А если утопленник? – непонятно зачем поинтересовался Алексей.

– Тогда бы вам очень не повезло, – заметил адвокат. – Зато вы не представляете, как сильно упала статистика убийств на воде, – он как будто даже тихонечко хмыкнул, но постарался замаскировать смех под кашель. – Так вы согласны?

Адвокат еще раз повторил условия договора: Алексею предстояло провести три дня в камере с телом жертвы и в течение этого срока съесть 5% тела. Если все пройдет как надо, он окажется на свободе.

– Есть небольшие ограничения – вы не сможете выезжать за границу и работать с детьми, но ценой тому свобода. СВОБОДА! – В финале адвокат почти перешел на крик, капельки слюны изо рта разлетались во все стороны, словно победный салют. – Вы согласны? – И, не дожидаясь ответа, сунул Алексею под нос кучу листков и ручку: – Подписывайте бумаги. Тут, тут и тут. За вами придут.

Получив все необходимые закорючки, адвокат резко вышел, захлопнув дверь камеры и оставив его одного.

На следующий день Алексея раздели догола, помыли и отвели в плохо освещенную камеру, в углу которой лежал труп без головы. Койки не было, туалета тоже. С него сняли наручники, и охранники молча ушли, не отвечая ни на один вопрос. Железная дверь захлопнулась. Пол был холодным.

На стене висели электронные часы, которые отсчитывали оставшееся время.

– Ну, привет, Галя, – поздоровался Алексей с трупом.

Присел рядом и прикоснулся пальцами к туловищу. Оно было прохладным и очень гладким, как будто мраморным. Алексей не мог представить, как его грызть, раньше он только

обнимал и целовал это тело. Сел в другой угол камеры и закрыл глаза. Не мог понять, зачем он вообще на это согласился.

Однажды в отпуске они попали на незнакомый пляж. Галина предложила купаться по очереди, боялась, что украдут сумку, там лежали фотоаппарат и телефон.

Он заплывал далеко, и холодное течение скручивало ноги, словно тянуло на самую глубину. Страшно не было, хотелось плыть дальше, туда, где белый пароход проходит под мостом и скрывается за его тенью.

Алексей почти доплыл, пока не услышал оглушительные крики. Вдалеке парни прыгали с моста в воду. Он посмотрел в их сторону: как только один коснулся телом воды, то, как марионетка из сувенирной лавки, резко дернулся, обвис, как будто сломался, и пошел ко дну. То же самое произошло со вторым, – словно кукловод отпустил крестовину с веревкой.

Сверху кричали, и третий бросился на помощь друзьям. Позвоночник парня хрустнул от удара об воду, голова запрокинулась набок. Алексей увидел, как за долю секунды тело сгибается под неестественным углом, и, кажется, даже услышал этот треск ломающегося льда, после которого дышавший, здоровый человек превратился вдруг в пустую оболочку.

Галина махала руками на берегу, на плече висела сумочка. Отчаявшись, она подняла полотенце и решила использовать его как флаг. Вскоре песок попал в глаза, она зашла в воду и начала умываться одной рукой, а другой продолжала махать: возвращайся.

Алексей поднял голову. Тело так и лежало в дальнем углу камеры. Подошел. Это мог быть кто угодно. Перевернул. Узнал Галю по родинкам: под пупком они располагались в виде треугольника. Вспомнил, как в шутку жена сказала, что по ним будет проще всего опознать ее после аварии.

Попытался приподнять ногу, трупное окоченение вроде прошло.

Стоя жевать как-то нелепо. Что же теперь, сидя грызть мясо, как собака?

В течение дня охранники сунули в окошко только две полторашки воды в пластике, еды не приносили. Одну он успел выпить и использовал тару для малых нужд, вторая пока стояла нетронутой.

Интересно, 5% – это сколько? Допустим, она весит 70 кг, без головы пусть будет 65. Делим на 100, умножаем на 5, выходит 3 с лишним кило. В день по килограмму, вот почему еда не предусмотрена, разумно. Что ж, пора начинать.

Ночью не мог заснуть: лампа над трупом издевательски мигала. Казалось, вот-вот и потухнет. Через несколько часов она отключилась на минуту-другую, но снова зажглась, свет стал слабее.

Алексей пытался погрызть зад, в какой-то момент представил себя со стороны, рассмеялся, выпил немного воды и сел у стены на корточки. Возможно, отключился на пару часов. Он перестал следить за временем.

Два года назад у Гали нашли рак. Он затронул те очаги мозга, которые врачи сочли неоперабельными. Срок поставили полгода, протянула она гораздо дольше.

– Я не хочу возрождаться с раком в голове, – повторяла жена в те дни. – Не хочу жить с постоянной головной болью, вспышками мигрени, падать в обмороки. Страдать бессонницей, забывать, что делала утром, вчера. Отпусти меня, пожалуйста.

Алексей старался ее переубедить. Ведь придумали способ, как проснуться потом, без боли, без страха, как жить вечно. Он знал, это неправда, просто хотел сохранить ее голову, вдруг еще есть шанс.

Врач только пожал плечами: Галя была права, если она и проснется после, то только с раком.

– Отпусти меня, – просила Галя. На самом деле требовала большего: чтобы Алексей помог ей уйти, самой было страшно. Перебирали разные способы. Она отказалась от веревки – негигиенично, от таблеток – непредсказуемо, от огнестрельного оружия – был шанс промахнуться, от крыш – вдруг дети увидят, от воды – не хотелось разбухать и превращаться в корм для рыб.

Теперь она – корм для Алексея.

Прошли сутки, надо было что-то решать.

Грызть начал на этот раз со спины, впиваясь зубами в холодную плоть. Старался не жевать, а сразу глотать. Вырвало непережеванными кусками. Воды пока не приносили. Лампочка, мигнув на прощанье, окончательно потухла. Алексей постучал в стену, позвал дежурного, но никто не откликнулся. Где-то на потолке моргнула красным камера слежения.

Приходилось двигаться на ощупь, свет от часов не помогал – были видны только контуры трупа. Это напоминало камеру флотинга, куда он ходил с женой в прошлой жизни: маленькая комната, внутри – здоровенный ящик. Забираешься в него, а там – вода с регулируемой температурой и темнота. Сверху ящик накрывают крышкой и оставляют тебя в невесомости плавать в тишине, иногда включают музыку. Говорят, помогает расслабиться и сконцентрироваться.

Здесь, рядом с трупом, на холодном полу, без еды и воды, было о чем поразмышлять. Алексей подтянул Галю за ногу и продолжил грызть. Воду так и не принесли.

На третий день дверь открылась, лучи яркого света ослепили Алексея до боли в глазах. Он попытался встать, но поскользнулся на моче и шлепнулся обратно в лужу. Голый, замерзший, перемазанный в собственных фекалиях, подошел к охраннику и улыбнулся. Потом встал на четвереньки, дополз до трупа, отгрыз кусочек и сожрал, тщательно пережевывая.

– Я знал, что вы справитесь, – услышал сверху голос адвоката, который хотел подойти, но, начав опускать носок дорогого кожаного ботинка на пол камеры, заметил, что тот полностью залит мочой, отдернул его, поморщился и продолжил стоять в проеме широкой металлической двери.

– Поздравляю вас, – произнес адвокат громогласно. – Теперь вы – свободный человек!

Алексей прыгнул на него, попытался откусить ухо, но получил кулаком в висок от охранника, отключился и упал.

– Почему они всегда рвутся именно к ушам? – недоуменно заметил адвокат, отряхиваясь. Дал знак охраннику, и тот добил Алексея несколькими точными ударами дубинкой в висок. – И никогда, никогда не читают, что написано в договорах мелкими буквами, – продолжил он уже устало, выковыривая непонятно откуда взявшуюся грязь из-под идеально отполированного ногтя.

– Тысяча третий. Готовьте печь, – произнес он, глядя в камеру слежения, и вышел.

На полу лежал худой, голый, мертвый мужчина и здоровенный кусок мяса, отдаленно напоминавший человеческое тело. Охранники унесли трупы, за ними пришли уборщики и стали отдраивать помещение, чтобы вскоре принять нового посетителя.

Ну же, Бог

Андрей очень любил работу и совсем не любил жену. Первая придавала ощущение собственной значимости, вторая – напротив лишала. Особенно когда орала матом что есть мочи по телефону, а Андрею было некуда спрятаться от сотрудников.

Слабость он сделал отличительной чертой, переняв привычку жены, по которой его сразу узнавали журналисты, – рано или поздно Андрей начинал орать матом на подчиненных. Он был главным редактором службы новостей, и его ругань приходилось терпеть, как бесконечно сверлящего соседа или сварливую тещу.

На работу он приходил первым, клал на стол небольшую кожаную сумочку, которую носил под мышкой, доставал телефон. Тот был надежно упакован в чехол с крышкой, и, каждый раз перед тем, как принять звонок, Андрей небрежно, мизинцем, откидывал ее.

Набирал знакомого начальника в прокуратуре и принимался, как он это называл, «трещать». Треск продолжался в течение часа-полтора, после чего Андрей орал на подчиненных, успевших уже прийти на работу, но еще до конца не проснувшихся.

В его действиях прослеживалась некая преемственность: если Андрея будили вопли вечно недовольной жены, то подчиненных будил он сам. С матерком и удовольствием. После этого спокойно заваривал кофе и обсуждал свежие сплетни с бухгалтером.

Его чашка почернела изнутри и напоминала заброшенный колодец, но никто не предлагал и не советовал Андрею помыть ее, да и он никому не давал к ней прикасаться. На чашке было написано: «Сочи+93». Андрей, который любил отдохнуть и после по сто раз показать и рассказать, как проходил его отпуск, с кем он познакомился и что там приключилось, ни разу даже не упомянул об этом событии и городе.

Знала о нем коммерческий директор Алена, но она редко пересекалась с тех пор с Андреем, хотя замечала его машину у своих окон и пару раз сталкивалась с ним, когда Андрей вроде как ненароком приходил на прием именно к ее будущему мужу-стоматологу – то полечить зубы, то почистить эмаль, то избавиться от камня.

В этот день все началось как обычно – с болтовни Андрея, которая длилась около полутора часов. Он успел выпить кофе, выкурить несколько тонких, ароматизированных сигарет с ментолом, поскандалить с дворником («Хватит кормить голубей! Они срут мне на окно, прилетают и прямо на подоконник срут!»), когда из отдела рекламы прибежала всполошившаяся помощница Алены.

Девушка принесла телефонную трубку и быстро сунула ее Андрею. Оказалось, жена не могла до него дозвониться по мобильному. Номер отдела рекламы висел на сайте, она набрала его почти наугад и успела застать мужа, пока тот не ушел на очередную пресс-конференцию.

– Срочно тащи свою задницу домой, – велела жена и повесила трубку, она всегда так делала. Андрей объяснял поведение жены синдромом начальника и где-то в глубине души даже оправдывал ее, ведь он копировал ее поведение с подчиненными, и это доставляло ему удовольствие. Но не в тот день.

Он раздраженно сел в машину, ожидая очередной выходки. Вроде той, когда заказанные в салоне итальянские шторы оказались короче, чем окна, и жена изодрала их от злости в клочья. Пришлось возвращать их в таком виде в магазин и врать, что это сделала собака, хотя никакой собаки у них не было – жена не позволяла завести даже рыбок.

Дом был словно после ограбления: кресла перевернуты, кругом – беспорядок, тишина и никого. Он зашел в спальню, там отчетливо пахло блевотиной, постельное белье было снято и валялось комом на полу. На кровати лежали жена и сын Андрея. Сын тихо скулил.

– Заблевал всю кровать, фонтаном, – констатировала очевидное жена.

Решили вызвать платного врача («Ну не «Скорую» же», – сказала жена), но перед этим сдать кал и мочу. Принялись звонить во все клиники, Андрея начало трясти. До этого сын болел только один раз – в два года переел мороженого. Жар длился пару дней, за которые Андрей успел частично поседеть: из-за повышенной температуры сын кричал во все горло. К новому повороту Андрей был не готов.

Во всех клиниках требовалось присутствие ребенка, никто не хотел приезжать на дом, чтобы забрать анализы. В какой-то из больниц даже сослались на один из законов, номер которого Андрей все равно не запомнил.

Жена начала истерить. Решили повременить с анализами и хотя бы вызвать врача. Было уже поздно, и платную бригаду в это время согласилась прислать только одна клиника, но завтра утром, а не сегодня.

– Если что-то срочное, вызывайте «Скорую», – произнес безликий женский голос в трубке. – Я вас записываю на утро?

Андрей утвердительно кивнул и еле слышно прошептал: «Да». Он уже был готов вызвать кого угодно – хоть «Скорую», хоть шаманов или цыганку с соседней улицы: сына безостановочно рвало и поносило, и это пугало Андрея сильнее и сильнее. Но жена велела дожидаться утра.

Ночью поспать не удалось: жена продолжала истерить и звонить своим родственникам. Через некоторое время приехали ее мать и отец, после – сестра с женихом, хотела даже подъехать бабушка, но ей запретили.

Сына так же рвало и поносило, и он безостановочно плакал. Андрей находился рядом с ним: вытирал пот с горячего лба, блевотину с подбородка, относил помыть в ванную, повторял какие-то успокаивающие фразы о том, что скоро боль пройдет и будет хорошо, но постепенно меньше и меньше верил в это сам – из сына словно уходило все живое.

Лицо его быстро осунулось, посерело, глаза запали, более отчетливо проступили круги под глазами. Сильнее всего Андрея пугал понос: черная слизь, которая текла и текла и не заканчивалась.

Поначалу его даже развеселило, когда сына проносило прямо на дорожный белый ковер, который жена привезла из какой-то жаркой страны, где отдыхала с подругой. Но после, когда сын стал все меньше походить на себя и залил черным поносом всю комнату, Андрей испугался.

Он сел за рабочий компьютер жены и начал гуглить симптомы. За спиной маячили родственники, озвучивая самые жуткие варианты. Ему были неприятны их слова и присутствие в доме чужих, случайных людей (ну что здесь забыл жених сестры, кроме любопытства и лицемерного желания угодить даме сердца?), которые мешали ему собраться с силами и перестать стучать пальцами по клавиатуре, пряча предательски трясущиеся руки.

Андрей вспомнил, что в зачанке есть немного коньяка с кофе, спрятался от всех в туалете и тихонько, за пару минут, прикончил всю флягу. После этого спать не хотелось совершенно, и сердце забилось так быстро, что казалось, через несколько секунд остановится навсегда, отсчитав заранее все уготованные на будущее удары.

Постепенно в атмосфере всеобщего невроза наступило утро. Жена с матерью распили на двоих почти весь пузырек корвалола, отец жены заснул в кресле на кухне, сестра с женихом уехали, потрепав ребенка по плечу на прощание: «Все будет хорошо». Тот блеванул спросонья кому-то из них на ботинки.

Андрей сидел перед окном в спальне и смотрел, как небо становится неприятно серым, после начинают петь птицы, затем к ним присоединяются другие, и, когда кажется, что их хор становится совершенно невыносимым, приезжают мусорщики и начинают переворачивать с грохотом свои баки, а свет заполняет комнату все больше.

Он смотрел и думал, как будет хорошо, если болезнь сына отступит и они станут проводить больше времени вместе. Сходили бы на футбол наконец. Может, он даже сделал бы что-то такое, на что не был готов раньше, изменился, – конкретные идеи не приходили ему в голову, он ощущал лишь сильное желание. Андрей задумался и даже взмолился: он знал, что готов променять на здоровье сына.

Андрей попросил Бога о сделке: он перестает орать матом на подчиненных, только бы ребенок выздоровел. Он готов, он созрел отказаться от этой приятной привычки, променять свое карательное утро на что-то более продуктивное, вроде пробежки (около дома Алены, например, – мелькнуло где-то на задворках сознания и погасло).

Он готов. Только бы сын выздоровел, ну же, Бог, как насчет этого? Небольшая слеза скатилась из уголка глаза, настолько он был в отчаянии. «Ты согласен, Бог?» – хотел спросить он, но не знал, куда смотреть – на небо, на потолок, в окно или на фигуру на кресте у себя на шее. Он на всякий случай достал крест и внимательно взгляделся в человека на нем. Посчитав, что этого достаточно, час или два спокойно спал, обняв сына, который окончательно ослабел и уже совсем не шевелился. Чтобы доказать свою решимость, Андрей перевел телефон в беззвучный режим.

Врачи приехали в то же время, что и обещали. Осмотрели ребенка, сделали пару уколов, предъявили счет, написали рекомендации и уехали. Их визит занял буквально несколько минут. Оказалось, у сына что-то вирусное, достаточно выпить пару таблеток – и все пройдет.

Это сильно поразило Андрея: он полагал, что расстояние между реанимацией, капельницами, серой, как пергамент, кожей ребенка и здоровьем должно равняться бездне, но нет, одно от другого отделял лишь укол, единственное вливание глюкозы.

Сын спал всю ночь и почти весь следующий день. К вечеру он уже почти пришел в себя, попросил любимого печенья и прочитал с Андреем в кровати книгу про собаку – ее он позволял брать только отцу. Ребенок был еще слаб, но кожа уже порозовела, исчезли тени под глазами, прекратились судороги, которые так пугали жену. Ее родители успокоились и уехали домой. Андрей облегченно вздохнул, достал из шкафа любимый ром и выпил все, не колеблясь, до дна.

Ночью снилось, как он бредет по пустыне и нигде, совершенно нигде, нет ни капли воды. Проснулся с сушняком, но зато голова не болела и на душе стало спокойнее.

На работе ничего не изменилось, и это сильно удивило Андрея, по его внутренним ощущениям словно несколько лет прошло. За пару дней он подзабыл, как общаться с подчиненными – перенервничал. Очень болезненно отнесся к сводке происшествий: там фигурировали дети.

Дотянуть на одном месте до обеда было тяжело, и он, под предлогом срочных дел, сбежал в «Детский мир». Там бродил среди конструкторов, о которых не мог даже мечтать в детстве, каких-то невероятных самолетов, катеров с пультами управления и всевозможными примочками. Вспоминал, как прыгал по гаражам, когда был маленьким, собирал красивые, гладкие камни на стройке, лазил по деревьям, делал лук и стрелы из веток – и был счастлив.

Современные магазины радовали, пугали и вызывали отчаяние, когда он представлял себя десятилетним. Наверное, он бы просто сошел с ума, а его сыну все это было не нужно. Открыв заметки в телефоне, Андрей искал, что же он просил на праздники в подарок.

Сын не был на него похож, ему нравились устройства, которые начинались со слова «микро» – микроскопы, микросхемы, всевозможные гаджеты. Он не знал, как вести себя на улице и чем там заняться. Казалось, кинь кто в него мяч – отскочит, как от стенки. С другими детьми сын общался через мобильные приложения: он бы просто не понял, для чего нужен лук со стрелами.

Смущаясь, Андрей подошел к продавцу и перечислил, наверняка путая и коверкая слова, названия игрушек, ничего ему не говорившие. Слава богу, тот понимал, о чем идет речь, и

принес несколько небольших коробочек, содержимое которых невозможно было определить, не заглянув внутрь. Когда Андрей узнал цену этих невзрачных вещей, то замолчал, обматерил себя беззвучно, но все купил – не позориться же перед продавцом.

Сын был счастлив. Стреб все коробочки, отнес в свою комнату. Весь оставшийся вечер Андрей сквозь стену слушал, как он советуется с другом по скайпу, как собирать из непонятных деталей. Андрей понял: он тут не авторитет, вмешиваться не стоит, и оставил ребенка по-своему радоваться подаркам.

На следующее утро он был особенно весел, отборно материл подчиненных, больше двух часов разговаривал с другом из следственного, обсуждая знакомых, сделал пару комплиментов сотрудницам из отдела рекламы.

Звонила жена: он не поленился взять трубку и послушать ее бесконечные упреки и стонания о том, какой он кретин, и даже вызвался купить хлеб после работы. Главное – она с самого начала сказала, – с сыном все в порядке. Это означало, по крайней мере, сегодня он точно неуязвим, а что будет завтра – уже не важно.

Совпадение

Они играли в дурака, когда Аня услышала впервые этот звук – как будто кто-то очень нежно постукивал подушечками пальцев по стеклу. Она подошла к окну и открыла штору – десятки мотыльков бились о прозрачную невидимую преграду.

– Ты не представляешь, на что похожа комната, когда они внутри, – хихикнула Саша. – Ложишься спать, а они ползают по потолку и падают на лицо, как в фильмах ужасов. А потом копошатся, копошатся своими лапками!

Аня провела рукой по шее, на пальцах остался след крови и мертвый жирный комар. Место укуса начнет чесаться завтра, но ее это уже не беспокоило. Слишком много таких точек появилось на теле за последние несколько дней, чтобы переживать еще об одной.

Кроме подруг на даче жила еще Сашина бабушка – Наталья Николаевна. И не то чтобы жила – работала. Просыпалась часов в пять-шесть, и сразу на грядки – полоть, поливать, копать, сажать, и так до вечера.

Ане загородная жизнь была в новинку, приключения сулил каждый день. В первый она упала в обморок в дачном туалете, обклеенном сверху донизу обоями с крупными яркими маками. Кабинка стояла на солнцепеке и ближе к обеду раскалялась, как консервная банка на углях.

Последнее, что Аня увидела сквозь разбегающиеся во все стороны черные точки в глазах, – потолок из пульсирующих, напозавших друг на друга красных лепестков, дальше – лишь чернота. Вытащил ее сосед.

– Смотрю, симпатичная нога, думаю, надо с хозяйкой познакомиться, – со смехом рассказывал он Саше и Наталье Николаевне. Сосед заходил еще несколько раз, и история обростала все новыми и новыми подробностями, пока однажды он не уехал с друзьями надолго на рыбалку.

За пару недель Аня так и не смогла понять прелестей дачной жизни. Не научилась принимать душ на улице: воду для него набирали из открытой бочки, которая так нагревалась днем, что разве что не булькала, как кипяток.

Или мыть этой же водой овощи с огорода, а по утрам наливать уже остывшую в умывальник, утопив заодно несколько спрятавшихся в прохладе мелких жучков. Сгонять с раковины паука, которую тот бережно оплетал по ночам полупрозрачной серебристой нитью, словно сито.

Наталья Николаевна наблюдала за Аней с жалостью и сочувствием. Она не понимала, кто так избаловал ребенка, что он шагал, словно цапля, через посадки картошки, стараясь их не задеть и не поймать на одежду безобидных букашек.

Зато Аня научилась легко срывать ягоды и овощи, на огороде без нее трудно было обойтись. Во время работы она быстро и плавно перебирала цепкими, длинными, тонкими пальцами, словно играла на арфе сложную мелодию.

Саше повезло меньше. Кисти ее рук, сложенные в горсть, напоминали короткие ковши. Она стеснялась рук, доставшихся по наследству от матери, а той – от Натальи Николаевны. Саша словно сознательно пряталась от повторения схематичных судеб близких за чем-то иным, новым – толстыми книжками, которыми были завалены оба этажа дачи.

Каждое утро Наталья Николаевна собирала книги по всем комнатам и складывала в одну высокую стопку на журнальный столик. Чтение казалось бабушке блажью, бестолковым занятием, не приносящим никакой пользы.

– Опять читаете, – повторяла она, заходя по утрам к девочкам, нечесаным, неумытым, но уже сидящим с книгами, с отрешенным взглядом, погруженным в куда более реальный мир,

чем этот. – Нет бы мне в огороде помочь, спина уже раскалывается, – и картинно потирала поясницу.

Саша даже не обратила внимания на ее слова, знала – у бабушки никогда ничего не болит. «Железный конь» – так называли ее знакомые за глаза.

Аня в такие моменты испытывала неловкость, понимая: Саша могла делать все, что заблагорассудится, но она для них – чужой человек, которого привезли сюда за компанию, только чтобы подруга не скучала.

Приходилось вставать и предлагать помощь, на что и внучка, и бабушка злились еще больше, ведь это был театр для двоих. Аня разрушала границу между вымыслом и реальностью, словно глупый ребенок, забежавший за кулисы кукольного представления и обнаруживший актеров за ширмой.

Очередной повинностью стал сбор смородины за себя и за Сашу, та снова отказалась. На кустах ягоды созрело очень много. Стоял день, солнце палило вовсю, но неудобно жаловаться на жару старушке, которая с шести утра без перерыва возилась в огороде.

Аня потела и рвала ягоду быстрее, чтобы поскорее заполнить ведро доверху и снова вернуться в прохладу дома.

Во время работы они молчали. Аня не знала, о чем говорить, а Наталья Николаевна представляла на месте чужого ребенка родную внучку, и ей нравилась картина, которую рисовало воображение. Звучание речи могло все разрушить, поэтому старушка держала рот на замке.

Наталья Николаевна мечтала, как через несколько лет, когда у нее закончатся силы полоть картошку, ее заменит Сашенька. Сад останется таким же прекрасным, цветник – ярким, а огород – плодоносящим, как раньше, и труды бабушки будут не напрасны.

– Молодец, – похвалила Аню Наталья Николаевна, увидев полные доверху два ведра. – Теперь набери немного домой, ты ведь завтра уезжаешь, – и протянула ей небольшой целлофановый пакетик.

В обед позвонила мать. Сказала, что заберет Аню утром.

– Ты как там, жива еще? Ешь ягоды и фрукты, набирайся витаминов побольше, даже через не хочу. Другой возможности не будет.

Вечером Аня сложила несколько пустых пакетиков впрок и проверила, где на грядках осталось хоть что-то съедобное после очередной уборки урожая. Наталья Николаевна пообещала кабачки, баклажаны, огурцы и смородину.

В комнате она проверила каждый угол перед сном, чтобы мотыльки, случайно залетевшие в окна, успели вернуться в полумрак и шуршать там, похлопывая мягкими крыльями.

Осталось только выспаться. Аня старательно пыхла и сопела, изображая сон, и вот наконец Саше надоело разговаривать самой с собой, она замолчала и через некоторое время заснула – дыхание стало медленным и ровным.

Аня открыла глаза. Спать не давала яркая луна, висевшая вровень с их окном, и громкий стрекот кузнечиков.

Казалось, небо пристально вглядывалось в комнату. Похожее она видела только на экскурсии в планетарии в пятом классе. Звезды висели так близко, достаточно лишь протянуть руку, чтобы коснуться каждой и собрать в ладонь, словно горсть ежевики.

По ночам девочки не выходили из дома – страшно. Заботливая бабушка поставила у двери гремевшее от малейшего касания металлическое ведро, которое они, сморщившись, выливали по очереди утром.

Несмотря на лунное сияние, тьма снаружи была настолько густой, что в ней исчезали все прежде знакомые предметы, тени вытягивались и все выглядело чужим, незнакомым.

Небо манило, казалось настолько близким, что одно неосторожное движение – и свод обрушится на голову, а звезды со звоном и грохотом разлетятся в разные стороны.

Проверять его на прочность было некому: все обитатели окружающих дач ложились спать не позже восьми, чтобы проснуться ранним утром и копать с таким остервенением, словно не могут найти спрятанное сотни лет назад сокровище.

В школе часто повторяли, что труд облагораживает человека. Исключительно благодаря труду он встал на задние лапы и передумал оставаться обезьяной, но, похоже, что-то в этой схеме дало сбой. Потребность махать лопатой у людей сохранилась, но речь постепенно утрачивалась.

Аня слышала со всех участков только мат. В другое время соседи молча работали в саду или ели под звуки радио, которые никто не имел права прерывать.

Она ожидала от дачи тишины, но оказалось, что на природе слышимость гораздо выше, чем в городе: каждый шорох ежа в саду звучал ночью, как топот пробирающегося по лесу медведя.

Днем она слушала, как мужчина с участка у леса пьет и орет на жену, ребенок с дачи напротив отказывается есть суп и закатывает истерику, а к «нелюдимым» парням в доме у дороги приехали девчонки, и теперь они только и делают, что слушают «Русское радио» и горланят песни с утра до ночи под расстроенную гитару.

Развлечений тоже было немного. В первые дни после приезда подруги часто гуляли, собирали цветы, веточки, высушивали их между книжных страниц, ставили в вазы и стаканы. Через несколько дней цветы исчезли. Наталья Николаевна навела порядок в комнате и выбросила лишний мусор. Больше букетов они не составляли.

Заснуть Ане не удалось, слишком сильно переживала. Как только начало светать, она тихонько спустилась вниз, взяла пакетики и пошла на грядки. Срывала все, что только может пригодиться: возвращаться на дачу снова она больше не планировала, хватит.

Собрала очень много, стало стыдно и радостно одновременно. Часть урожая отнесла в комнату и спрятала в сумке среди вещей. Меньшую оставила на кухне, чтобы Наталья Николаевна сразу увидела, сколько получилось.

Было только шесть утра, когда она закончила, расслабилась и ненадолго заснула. Разбудила Аню мать. Пора было ехать домой. Аня аккуратно сложила вещи, спустилась за овощами и ягодами на кухню. Наталья Николаевна недовольно покосилась на пакетики, которые та прижимала к себе, но ничего не сказала.

Обратно ехали несколько часов. Сашин отец довез их с дочерью до своего дома. У подъезда подруги попрощались, и Аня с матерью пересели в маршрутку, чтобы добраться до центра города, а оттуда уже – к себе.

Когда они наконец оказались дома, все дачные заботы испарились. Стены квартиры были перепачканы серым порошком, словно кто-то покрыл их толстым слоем пыли или измазал золой. Ящики шкафов – вывернуты наружу, подушки от дивана валялись на полу со следами подошв на чехлах, занавески – сорваны, верхняя одежда с бельем вперемешку лежала одним гигантским грязным комом в центре гостиной. Аня зашла в свою комнату – та же история.

Беспорядок сделал дом чужим, брошенным, незнакомым. В гостиной на краю дивана рыдала мать. Воры унесли все деньги, а с ними – детский крестильный крестик, обручальные кольца, пару сережек.

– Зачем им крестик, он ведь даже не из серебра, – всхлипывала мать.

Отца дома не оказалось. Как только он вернулся вечером с работы и обнаружил следы взлома, сразу вызвал полицию. После, когда ехал в отделение, чтобы закончить с формальностями по делу, которое никто не планировал раскрывать, уже сожалел о своем поступке: многие ценные вещи исчезли именно после полицейской проверки.

Квартира из-за серого порошка напоминала пепелище, но ничьих отпечатков пальцев так и не нашли.

– Не очень у нас получается отдыхать на природе, – пошутила мать. – Представь, что бы произошло, останься мы на даче на ночь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.